

Постмодернизм как мировоззрение молодежи?

*С.В. ЛУРЬЕ**

***ЛУРЬЕ Светлана Владимировна** – доктор культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН. Адрес: 198005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. E-mail: svlourie@gmail.com

В статье, построенной на материалах социологического опроса, ставится вопрос о том, что в мировоззрение современной русской молодежи все более проникают постмодернистские парадигмы восприятия реальности. Теряют свое значение естественные коллективные идентичности, такие как народ, национальность. Последней цитаделью традиционного у молодых людей остается семья, которой они придают большое значение, хотя элементы постмодернистского мировоззрения проникают и сюда. В рамках этой ментальной картины и существуют межэтнические браки, доля которых мало меняется со времен СССР, но восприятие которых с тех пор стало кардинально иным.

Ключевые слов: межэтнические браки, постмодернизм, молодежь, традиционность, семья, социальная общность, народ, национальность.

DOI: 10.31857/S086904990010749-5

Цитирование: Лурье С.В. (2020) Постмодернизм как мировоззрение молодежи? // Общественные науки и современность. № 4. С. 31–40. DOI: 10.31857/S086904990010749-5

Работа выполнена по государственному заданию (тема “Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучие детей: публичное и приватное измерения”, № государственной регистрации АААА-А17-117030110147-4).

Is Postmodernism a Worldview of Youth?

*S.V. LOURIE**

***Svetlana V. Lourie** – Doctor of Culturology, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: bld. 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 198005. E-mail: svlourie@gmail.com

Abstract. The article, based on the materials of a sociological survey, raises the question of the fact that the postmodern paradigms of perception of reality are increasingly penetrating the worldview of contemporary Russian youth. Thus native collective identities, such as peoples, nationality, lose their meaning. The last stronghold of the traditional among young people remains the family, to which they attach

great importance, although elements of a postmodern worldview penetrate here too. Within the framework of this mental picture, there are interethnic marriages, the proportion of which has changed little since the times of the USSR, but the perception of which has since become radically different.

Keywords: interethnic marriages, postmodernism, youth, tradition, family, social community, people(s), nationality.

DOI: 10.31857/S086904990010749-5

Citation: Lourie C.V. (2020) Is Postmodernism a worldview if Youth? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 31–40. DOI: 10.31857/S086904990010749-5 (In Russ.)

Исследование, которое я задумала, было рядовым: я продолжала свою тему изучения межэтнических браков, о которых уже писала в “Общественных науках и современности” [Лурье 2018; Лурье 2019]. На этот раз меня интересовало отношение к межэтническим бракам молодежи от 18 до 21 года, тех, кто на 7–8 лет моложе опрошенных ранее [Лурье 2019], в контексте их установок по отношению к будущему, семье, народу¹. Но результаты интервью заставили задуматься не только над темой исследования, но и над более философскими категориями. Они показали некоторый очевидный культурный разрыв с более старшим поколением и вступление российской молодежи в новую цивилизацию с совершенно другим пониманием человека и общества. Так, отношение к культуре, к категории народа, национального и индивидуального, восприятие своего будущего лежит у этой части молодежи в некой постмодернистской перспективе. И все-таки остается якорь, привязывающий ее к традиционным ценностям. Этот якорь – отношение к институту семьи, значение которой в глазах молодых растет. Правда, и тут не все однозначно...

Об отрицании коллективной идентичности в постмодернистской парадигме

С размышлений о “веке сем” мы и начнем.

Пожалуй, дьявол кроется в коннотациях, а именно, в том, что идеи, являющиеся фактами общественного сознания, выступают не сами по себе, а в связи с определенными ассоциациями. Одна идея влечет за собой другую, логически с ней непосредственно не связанную, но которая по привычке мышления, сложившейся в ту или иную эпоху, мыслится в совокупности с первой так, как если бы одна следовала из второй.

Культура нашего времени – десятых годов ХХI в. – переходная. Это культура перехода в иную цивилизацию. Еще в массах устойчивы традиционно-религиозная и гуманистически-модернистская парадигмы, которые у нас порой причудливо переплетаются, но плацдарм за плацдармом завоевывает постмодернизм – нечто, противоречащее не только традиции, но и гуманизму. Современные изменения в культуре, накапливаясь, переводят ее в иное качество.

И традиционная, и гуманистические парадигмы выражают себя уже как консервативные ценности. Обе они предполагают естественную мораль, некие естественные, согласующиеся с естеством человека проявления, в их противопоставлении противоположному. Правда, классический гуманизм подразумевает, что причина последнего – несовершенство мироустройства, а не греховность природы самого человека, как то было при религиозном мировоззрении. Но перед лицом современной постмодернистской парадигмы у этих двух мировоззрений неожиданно выявляется что-то общее. Ведь в наше время формируется иное понимание естественного и противоположного, которое вполне отчетливо формулируется.

¹ Это был опрос с помощью закрытой анкеты, который проводился в Красноярске среди студентов русской национальности СФУ. Выборка 270 человек (111 юношей и 159 девушек). Выражаю благодарность кандидату политических наук С. Подьяпольскому за организацию проведения опроса.

Не буду перечислять все атрибуты постмодернистского мировоззрения, но остановлюсь на том, который важен в данной работе. Это – разрушение права на естественную групповую идентичность. В традиционной и гуманистической парадигме право личности в определенной ситуации не признавалось выше права коллектива. Так, право беженца переселиться в чужую среду и сохранять в ней свои обычаи в отличие от постмодернистской перспективы, не ставится выше, чем право этой среды защищать свою коллективную целостность. Не то в постмодернистской перспективе: там доминируют права одиночки, индивида, который не то что не обязан смотреть на себя в контексте своих естественных общностей, к которым принадлежит, но уже скорее обязан видеть себя вне их контекста. Как показывает мое исследование, размывается само понятие “народ” как существенная категория, превращаясь в агломерат индивидов-одиночек, скрепленных несущественными формальными связями. И это происходит не где-то в других странах, а в России. Среди русской молодежи идут подспудные процессы, результатом которых оказывается существенное ослабление русской национальной идентичности.

И это только одно звено из многих. Это новая антропология, суть которой именно в стирании граней между естественным и неестественным и отказ от почти всего того, что воспринималось как естественное.

Межэтнических отношений в их традиционном понимании в глазах молодежи уже не существует

Результаты проведенного исследования говорят о том, что в глазах русских молодых людей межэтнических отношений в том смысле, который в них традиционно вкладывался, практически не существует. Для них нет отношений между представителями народов, а существуют отношения исключительно между отдельными людьми. Это, с одной стороны, хорошо, так как помогает избегать национальных предрассудков, но с другой – нивелируется та реальность, которую несут с собой народ, национальная культура. 35% опрошенных признаются, что национальных чувств не имеют вообще. И речь тут отнюдь не в национализме, но и в привязанности к своему народу или в любви к родной природе. Еще 23% отметили, что, если и находят у себя чувство патриотизма, то скорее в его региональной форме.

Согласно нашим исследованиям 2017 г. молодежи более старшего возраста (таким образом, возрастная разница у нас получилась в семь–восемь лет), в наличии национальных чувств призналось 75% опрошенных, 14% такое чувство у себя отрицали, 5% указали на превалирование локального патриотизма, а еще 14% затруднились ответить [Лурье 2018]. То есть отказ от национальной самоидентификации у молодых людей более младшего возраста прогрессирует. 90% опрошенной в 2019 г. молодежи вовсе не обращают внимания на национальность человека, либо она для них никогда не была важна. 89% не интересуются национальной культурой собеседника, а для некоторых знание национальной культуры даже вызывает чувство отвращения.

Дело здесь не в том, что человек не оценивается по своей национальности, что культивировалось и ранее, а видится вообще вне народа. Национальность перестает восприниматься русской молодежью как сколько-нибудь важная черта. Нет и речи об отношениях между народами, отношениях культур, межкультурном диалоге – в глазах русских молодых людей есть только отношения между индивидами, лишенными культурно-специфических черт. На вопрос, какие межнациональные отношения предпочтительны в России, 52% респондентов ответили, что должны быть отношения между отдельными людьми, а не народами, то есть именно не равноправные отношения, скажем, между народами (такую позицию поддержали всего 33% опрошенных), но именно вненациональные отношения, игнорирование национальной составляющей. Только 22% опрошенных молодых людей определили российский народ как союз народов России, а 60% – как совокупность населяющих Россию людей вне зависимости от национальности. Для остальных 18% российский народ – просто идеологический штамп. Согласно нашим исследованиям мо-

лодежи более старшего возраста, для 49% “российский народ” – общность всех людей, населяющих Россию (подход с точки зрения не народов, а индивидов), а для 26% общность народов России. Еще для 14% – это механическая совокупность народов РФ, а для 3% – просто эвфемизм для названия русского народа [Лурье 2018]. Опять же наблюдается прогресс.

Что касается патриотизма, то 15% опрошенных считают его устаревшим понятием. Любовь к Родине – безусловная ценность только для 22% опрошенных. То, что русским следует ориентироваться на глобальные интернациональные модели поведения и культуры, полагают 50% опрошенных (то есть половина). Россию как самодостаточную цивилизацию видят только 35%. При этом только 15% опрошенных молодых людей поддерживают традиционные ценности, 40% привлекают глобалистские ценности толерантности, 31% готовы ориентироваться на восточные ценности, а 14% полагают, что нет необходимости в каких-либо ценностях, следует действовать прагматично. Тут видны огромный отрыв от ценностей более старших поколений, фактически новая для России реальность, в которой совершенно иначе следует понимать и проблему семьи в целом и межэтнических браков в частности.

Если исходить из того, что согласно полученным нами данным, понятие национального все более отходит в прошлое, межнациональных отношений в восприятии русской молодежи как таковых не остается, их просто нет как отдельного феномена, есть только отношения отдельных индивидов, которые причисляют себя по привычке или даже на основании симпатии, традиции, приверженности к каким-то ценностям к какой-то национальности, оставаясь при этом изолированными индивидами. Почти все опрошенные (89%) полагают (по-разному оценивая это²), что роль религии в обществе снижается, а православие объединяет очень небольшое число приверженцев (так в равной мере считают и верующие, и неверующие – всего 93%).

Посмотрим ответы на ряд, если можно так выразиться, философских вопросов, предложенных нами респондентам. 37% полагают, что технический прогресс в мире будет продолжаться, но человек останется человеком, суть его неизменна. И этот ответ – единственно позитивный и, как мне представляется, нормальный (не говорим о его реалистичности). 30% полагают, что человек станет практически бессмертным, что, думаю, навеяно современной научной и ненаучной фантастикой. Более того, еще 7% полагают, что человека заменит искусственный интеллект. 11% считают, что произойдет технический регресс в развитии человечества, а 15% уверены, что нас ждет планетарная катастрофа. Таким образом, поступательного развития ожидают только 37% опрошенных молодых людей, остальные ждут либо качественного скачка с неизвестной перспективой, либо упадка или даже катастрофы. То есть в любом случае мир не представляется им спокойным. Неудивителен при этом рост интереса к приватной жизни.

Итак, тут мы видим явный крен в сторону постмодернистского восприятия мира. Он, конечно, не охватывает поголовно всю молодежь, но распространяется очень широко, и чем моложе люди, тем шире. Народ (в данном случае – русский народ) как естественное сообщество теряет в глазах русской молодежи ценность. Так же теряет ценность русская культура, как и всякая традиционная культура. Внешний мир более не воспринимается (и тут своя правда!) как стабильный, как место, где от поколения к поколению наследуются ценности и образ жизни. Молодые видят мир стоящим на грани и стремительно движущимся вверх или вниз.

На фоне нахватавшихся из СМИ стереотипов сформировалось некое ощущение неопределенности, которое служит питательной базой для постмодерна. Не случайно постмодерн так связан с довольно уродливыми и не основанными на достоверной информации движениями по защите планеты от гибели, прежде всего экологическими движениями, которые порой сами размывают адекватное представление о реальности, лишают молодого человека точки опоры.

² Среди опрошенных 15% назвали себя воцерковленными православными, 44% – невоцерковленными православными, верят во что-то высшее – 4%, сомневаются – 4%, неверующие – 26%, атеисты – 7%.

Семья как последняя цитадель традиционного для молодежи

Парадоксально, но у русской молодежи в мире постмодерна точка опоры все-таки есть. Если молодые люди 18–21 года от роду часто считают патриотизм устаревшим понятием, то практически никто из них не считает таковым семью.

Посмотрим на результаты опроса. Для 63% из опрошенной молодежи семья очень важна, и они хотят создать ее себе раз и навсегда. Лишь 7% предполагают, что нет ничего страшного в разводе и создании повторной семьи. Еще 30% признаются, что по молодости лет о семье пока не думают, но полагают, что со временем эта тема станет первостепенно важной. Никто не соглашается с утверждением, что семья – отживший институт, никто не считает идеальной моделью жизни смену партнеров.

В другом вопросе о собственном будущем супружестве 73% выразили намерение вступить в брак один раз и навсегда, из них 20% подчеркнули первостепенную важность семьи, а остальные 53% указали на важность и семьи, и самореализации. Еще 16% выбрали вариант ответа, что хотели бы вступить в брак один раз, но допускают и повторный брак. Остальные 11% предпочли бы пожить некоторое время в гражданском партнерстве, но, в конце концов, вступить в официальный брак.

То, что родительская семья для них большая ценность и вне нее они себя не мыслят, утверждают 34% опрошенных. 23% говорят, что готовы многим поступиться ради согласия с родителями. Только 37% выбрали такой ответ: хотя они любят своих родителей, но все-таки считают себя самостоятельными личностями. Только по 3% утверждают, что родительская семья не имеет для них большого значения или они не имеют родительской семьи как таковой. Причем никто не назвал родительскую семью пережитком прошлого, чем-то неважным. Возможно, для более старшего поколения нынешние молодые могут показаться отчасти “маменькиными сынками и дочками”, во всяком случае, стремление к выраженной самостоятельности среди опрошенной молодежи встречается не слишком часто. Я бы отнесла это не столько к материальной зависимости от родителей, сколько к эмоциональному комфорту в родительской семье и связанной с ним родительской заботой.

Семья для молодых – убежище от нестабильного мира. Это островок традиционного и устойчивого, надежного и естественного в мире расплывающегося и ускользающего из-под ног постмодерна, где идентичность размывается, не имея опоры на естественное. Но такой взгляд постепенно распространяется и на семью. В качестве идеальной традиционную семью с ее строгими гендерными ролями назвали только 8% опрошенных. Об идеальной семье просто как о дружной семье заявили 37% опрошенных. Все они воспринимают семью как труд, как объект вложения усилий. Но 52% высказались о семье как, в основном, об источнике комфорта и удовлетворения потребностей. Причем из них 52%, то есть половина, подчеркнули отказ от гендерных ролей в семье, другая же половина допустила, что семья может быть и “нетрадиционной”, лишь бы она приносила комфорт (правда, никто из опрошенных не назвал “нетрадиционную семью” в качестве желательной именно для себя – тут скорее признание правомочности любого брачного поведения, если оно несет с собой комфорт, как его понимает тот или иной индивид). Оставшиеся 3% опрошенных просто философски заключили, что идеальных семей не бывает. Тут видно, что по крайней мере у половины опрошенных проступает несколько потребительское отношение к семье, присутствующее параллельно с несколько преувеличенной в глазах предшествующих поколений зависимостью от родительской семьи.

В большей степени понять превосходство ценности самовыражения, чувствования, самости над самостоятельностью, над долгом, дают возможность ответы на вопрос о воспитании детей в будущей семье. Воспитание креативности и способности к самовыражению считают более важным 55% опрошенных, против 45%, полагающих, что главное – вырастить нравственного человека, знающего, что хорошо, а что – плохо.

Все это показывает, как велико в глазах молодежи значение приватного, частной жизни человека. При этом прослеживается и некоторый крен в сторону понимания частной жизни как прежде всего источника комфорта, удовлетворения своих потребностей.

Изменения парадигмы межэтнического брака

Теперь обратимся к вопросу о межэтнических браках, которые концентрируют в себе и национальный вопрос, и семейный. Очевидно, что доли межэтнических браков в прошлом в СССР и в России в XXI столетии, будучи близки в численном выражении, отражают совершенно разную реальность. Я уже писала о той картине мира, в которую была встроена межэтническая брачность в СССР и, соответственно, РСФСР [Лурье 2019]. Это была картина, включающая в себя наднациональную идею – формирование советского народа. Восприятие себя в качестве советских людей – не только официальная идеология, оно было широко распространено среди населения СССР. Эта наднациональная идея выступала в те годы в выражено положительной коннотации, ряд аспектов ее даже романтизировались. При этом господствовало отчетливое представление, что такое народ, сознание было скорее коллективистским, а не индивидуалистическим. Межэтнические браки в советский период представляли собой знаковое явление, о котором тогда охотно и с положительными эмоциями говорили. Эти браки не проходили незамеченными не только официальной статистикой, но и социальным окружением каждой этнически смешанной молодой пары. Они считались не только личным делом, но и значимым элементом общественной жизни, тем, что формирует позитивные межэтнические отношения в стране, единую межнациональную общность “советский народ”. Конечно, такие идеологемы принимались не всеми советскими людьми в равной степени. Были и те, кто принципиально ориентировались на моноэтнические браки, но такова была общая картина в стране.

Ныне, согласно нашему исследованию, хотя 25% опрошенных видят в межэтнических браках наследие советского периода, 37% полагают, что их высокий процент – мировой тренд, связанный с идеологией толерантности. Но прежде всего в них отражается право личности на проявление себя, следование тому, что представляется удобным и комфортным. Еще 27% говорят о них в разрезе незначимости для русских национальных категорий. Боюсь, что имеется в виду не открытость людям других национальностей, а следствие некоей “безнациональности”, которую молодежь русским людям приписывает, причем – в положительной коннотации.

Еще бы! Лишь 22% говорят о межэтнических браках в разрезе межэтнических отношений в обществе как о факторе стабилизации межэтнического мира. Положительные стороны межэтнических браков молодежь оценивает прежде всего в аспекте своей частной жизни, что в общем-то правильно. Но при этом акцент делается на переживаемом опыте и ощущениях. Так, 30% опрошенных полагают, что межэтнические браки дают возможность пережить новый опыт, попробовать что-то новое, испытать на себе иные системы отношений. Еще 30% видят положительную сторону межэтнической брачности в межкультурном обмене, который, кажется, воспринимается так же, как возможность получить новый опыт ощущений, 8% видят в межэтнической брачности возможность противостоять общественным стереотипам.

Мотив противостояния общественным стереотипам в теме межэтнических браков не случаен. На вопрос, какие чувства в вас вызывает высокий процент межэтнических браков в России, 23% ответили, что испытывают радость от того, что любовь торжествует над предрассудками. Такое видение проблемы представляется несколько неожиданным, а доля тех, кто его выразили, – неожиданно большой. Еще 12% отметили, что приветствуют межэтническую брачность как здоровую общественную тенденцию. 49% утверждали, что не считают вопрос межэтнической брачности важным. Это вполне естественно для многих в условиях, когда межэтнические браки не пропагандируются, как то было в СССР, и только остальные 26% упомянули о межэтнических браках как о показателе мирных межэтнических отношений в обществе.

Но последнее не является субъективно важным. Только 3% опрошенных заявили, что положительно относятся к межэтническим бракам потому, что они свидетельствуют о хороших отношениях между народами, а 82% положительно относятся к межэтни-

ческим бракам, ибо приветствуют все браки по любви. Еще 15% опрошенных утверждают, что относятся к межэтническим бракам терпимо, если они по любви. При этом 89% полагают, что допустимы браки между представителями любых национальностей, если между ними есть любовь. И только 7% не одобряют межрасовые браки, еще 4% не одобряют межрелигиозные. Тут понятно, что возникает тема поддержки свободы любви против “косного” общества, торжества любви над общественными стереотипами! То есть молодежь видит себя как бы героями, готовыми пойти против общества за свободу любить того, кого полюбит сердце. При этом из опрошенных только 18% полагают, что современное российское общество относится к межэтническим бракам в целом отрицательно. Похоже, тут заявляет о себе определенная страсть к борьбе ради борьбы. Проявление ли это постмодернизма или просто юношеского максимализма?

Браки не межэтнические, а внеэтнические

Мы увидели, что межэтнические браки в глазах российской молодежи предстают, скорее, как внеэтнические. Этничность, поскольку она проявляет себя, – лишний фактор в глазах русских молодых людей. Лишь 40% считают, что народы должны сохранять свою культуру, и уже 30% полагают, что национальную культуру следует заменить наднациональными моделями. В ряду таких моделей находятся и межэтнические/внеэтнические браки.

Однако тенденция постмодернизма как идеологии такова, что ценность семьи должна сойти до минимума. В глазах же российской молодежи, семья, как мы видели, очень важна. Может быть, это последняя структурная реальность, которая остается очень значимой, тогда как народ и патриотизм как ценности для молодежи утрачивают свою роль. Семья для русской молодежи – последняя цитадель в мире традиционных понятий. Хотя и тут часть молодых людей терпимо относятся к проявлениям “нетрадиционности”, но часто только в теоретическом плане, как дань пресловутой моде на многообразие. В мире, где национальность (как то видят русские молодые люди) теряет свое значение. Дети разных народов создают свой оставшийся, казалось бы, незыблемый оплот – свои семьи. Семья тут – то, что стоит над национальным. Поэтому поправимся и скажем, что межэтническая семья скорее надэтническая, а не внеэтническая. Эта над/внеэтническая семья (будь она формально межэтнической или моноэтнической) не выражает национальных отношений, которые, как мы видели в глазах русской молодежи, малоактуальны, а является некоторой их заменой в том смысле, что семья дает те рамки, в которые встраивает себя человек, отчасти вместо тех, которыми были для прошлых поколений народ и национальная культура.

По мере снижения значения понятия “народ” в глазах молодежи на первое место выходит приватная сфера жизни. Семья, думается, создает то твердое основание жизни человека, создаваемое ранее, наряду с ней, народом, национальной культурой. Именно семья сегодня способна реально, ощутимо, объединить детей разных народов, для которых мир становится одним большим и все менее структурированным человечеством.

Комфорт – мера всех вещей

Итак, мы видели, что поддержка межэтнических браков среди опрошенной молодежи 18–21 лет практически полная. Все за любовь... Но! И тут след нашего времени с его постмодернистским снятием с себя ответственности, оказывается затянувшимся детством. Эта становящаяся все более глобализированной молодежь остается “маменькиными детками”, не желающими выпархивать из родительского гнезда птенцами, но мечтающая жить в мире, который в их представлении, о!, совсем иной, чем был до того.

Поддержка межэтнических браков очень велика. Раз русские молодые люди не видят национальных преград, браки в их понимании ничего не должно затруднять. То, что ре-

ально их тормозит, – боязнь психологического дискомфорта, поскольку *de facto* национальные отличия в обществе присутствуют. Просто психология молодых русских такова, что национальные отличия намного чаще рассматриваются ими как что-то мешающее, ненормальное, а не то, что может обогатить взаимосоприкосновение.

Лишь 52% опрошенных молодых людей допустили возможность межэтнического брака для себя лично. Таким образом, мы имеем дело, с одной стороны, с декларацией того, что любовь должна быть превыше всего, превыше всех предрассудков, а с другой – имеется причина, по которой половина опрошенных понимает, что не готова следовать этой декларации в своей жизни.

Что эта за причина? Имеет ли она какое-то идейное основание? Что же стоит в сознании молодежи выше любви? Наш опрос показывает, что это в подавляющем большинстве случаев – не какая-то идея, а психологический комфорт самого респондента. Он, как правило, не мыслит в широком социальном плане, а исходит из своих потребностей, взвешивая, что для него важнее: любовь или избегание ситуации, могущей стать конфликтной. В то же время, как мы увидим, сам факт заключения межэтнического брака, по мнению многих опрошенных молодых людей, может привести к конфликту с обществом, но это в некотором смысле абстрактный конфликт, его молодежь не боится, во всяком случае боится меньше, чем конфликта с родителями. Практически межэтнический брак рассматривается как конфликтногенный в приватном плане, как источник для респондента внутреннего, как правило, психологического конфликта.

Итак, что могло бы препятствовать заключению межэтнического брака самого респондента? 40% опрошенных заявили, что удержать их от смешанного брака способна боязнь, что им придется выполнять необычные для себя семейные роли, то есть как-то переделывать свои привычки. Это то, что может противостоять спонтанным романтическим чувствам. Собственная самость ставится выше любви. Сюда же можно добавить 30% тех, кто боится психологически не ужиться с представителями других культур. И сюда же добавим еще 11% опрошенных – тех, кто боится навязывания им чуждых родительских ролей. Мы относим эту позицию именно к боязни насилия над своими привычками и стереотипами, своими собственными поведенческими моделями, потому что озабоченность тем, не станут ли дети от межэтнического брака носителями другой религии или культуры, не выразил ни один респондент! Так что дело именно в боязни ломки самого себя. Интересно, что 11% могли бы испугаться отрицательного отношения к межэтническому браку своих родителей. Мы ведь уже говорили о характерной для молодого поколения зависимости от родителей. А вот общество для молодых малозначимо. Никто не указал, что мог бы отступить от своего замысла вступить в межэтнический брак, испугавшись отрицательного отношения общества. Но только 8% опрошенных смотрят на межэтнический брак как на любой брак и согласны в случае необходимости себя преодолевать.

Подобным же образом респонденты отвечают на вопрос об отрицательных сторонах межэтнического брака. 37% опрошенных говорят о трудности межкультурных взаимодействий, 30% – о трудности согласования супружеских и родительских ролей, 15% – о сложности отношения с родственниками супруга/супруги (что опять же проблема, связанная с семейными ролями), 8% называют возможное общественное неприятие, которое, однако, не удержит молодых (как они мыслят) от совершения поступка. Таким образом, негативное отношение общества не удержит, а ожидание недостатка психологического комфорта вполне может удержать.

Устойчивость этнических процессов и переосмысление понятий

Приведенные выше данные говорят о том, что молодые респонденты понимают многие сложности межэтнических браков. Но применительно к себе лично, к своему психологическому комфорту. 64% опрошенных молодых людей считают, что никаких проблем, связанных межэтнической брачностью, в нашем обществе в целом не существует. Только

3% говорят об ухудшении в результате межэтнической брачности демографической ситуации, 11% – об ухудшении генофонда русского народа, 19% вспоминают о проблемности воспитания детей в других культурных традициях и совсем мало (только 3%) отмечают среди проблем, которые может принести в общество распространение смешанных браков, то, что дети русских женщин могут стать мусульманами.

То, что молодежь не интересуется культурная идентичность их будущих детей, говорит о том, что у них самих культурная идентичность ослаблена. Из тех 81% опрошенных, которые хотели бы жить в России, но жить исключительно среди русских, только 3%, 7% все равно в каком окружении жить, а 71% хотели бы жить в полиэтническом окружении, причем 34% мотивировали такое желание любовью к многообразию. Полагаю, что для русских, испокон века живущих в многонациональном государстве, полиэтническое окружение привычно, а моноэтническое может показаться некоей замкнутостью. Тем не менее любовь к многообразию представляется, может быть, завышенной, так что возникает вопрос: является ли она наследием российской имперскости или новопробретенным мультикультурализмом?

Для нашего времени характерно именно переосмысление понятий. Часто сложно сказать, какой смысл – еще прежний, традиционный, или уже новый, постмодернистский – вкладывается в то или иное понятие. Нынешняя молодежь утверждает, что верит в былую дружбу народов (52%) или допускает, что она была (еще 34%), что готова приветствовать дружбу народов и в наше время (88%). Но для них она имеет совсем иное значение, чем для старшего поколения, – это не взаимодействие народов и национальностей, включение их в общий социокультурный сценарий, а взаимодействие людей вне народов и национальностей, вне национальной специфики.

Интересно, что переинтерпретация понятий иногда происходит без учета того, что какие-то глубинные закономерности их сохраняются. Так, что касается межэтнических браков, то в позднесоветский период в РСФСР их было 14,7% [Население СССР... 1990]. Но и с концом советской эпохи доля межэтнической брачности в РСФСР осталась примерно прежней. Распался СССР, приблизилась вплотную к черте распада Российская Федерация – этноконсолидационные процессы сменились этническим разобщением, в России бушуют скрытые и явные, горячие и холодные межэтнические конфликты. А что происходит с долей межэтнической брачности? Минимум, до которого падает доля межэтнических семей, – 11,5%. Это по микропереписи 1994 г. [Состояние... 1995].

А к 2000-м гг. доля этнически смешанных браков в Российской Федерации возросла и достигла уровня 1989 г., даже чуть превысив его. По данным переписи 2002 г. уже 14,8% населения России проживают в этнически смешанных домохозяйствах [Итоги... 2004, с. 465]. В ежегодном демографическом докладе “Население России. 2003–2004” отмечается, что “этнически смешанные домохозяйства составляют в целом по стране 14,5% россиян” [Население России... 2006, с. 235]. По данным переписи 2010 г. в интерпретации Е. Сороко, этнически разнородных пар в России было только 12% [Сороко 2014, с. 114]. Оговорюсь, что эти цифры – средние по России, нечто вроде средней температуры по больнице. Но точно ли они ни о чем не говорят? В разных регионах многонациональной Российской Федерации конкретные цифры различны. Но состав народов России сложился не сегодня, к тому же, хотя немалая доля межэтнических браков заключается между представителями относительно небольших народов России, подавляющее большинство экзогамных браков в стране – это браки с участием русских [Сороко 2014, с. 116].

Конечно, разнорядной в показателях межэтнической брачности по регионам несколько смазывает картину, тем не менее ясно, что в целом по Российской Федерации на протяжении 40 лет колебания доли межэтнической брачности были относительно небольшими – от 11,5 до 14,7%, причем наблюдается именно колебательная динамика. Доля межэтнических браков становится то чуть больше, то чуть меньше, но в целом стабильна. Это привлекает внимание. Возможно, тут надо говорить о каком-то этническом процессе, изучение которого – отдельная исследовательская задача.

Но в свете нашей темы важно, что объективные этнические процессы, если таковые в данном случае действительно имеют место, по-разному на разных этапах перетолковываются. Их интерпретация и (что еще важнее) мотивация, побуждающая молодых людей, вступающих в брачный возраст, вести себя так, а не иначе, интегрирована в ментальное пространство нашего времени и вплетена в ткань постмодернистских представлений о народе и национальности и во многом традиционных представлений о семье, которые характеризуют нынешнее молодое поколение.

Этот сложный комплекс строится на том, что постмодернизм разрушает всякую естественную групповую идентичность. Народ, национальность падают его жертвой, однако семья в России продолжает в значительной мере удерживать свои позиции – вопреки влиянию “века сего”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т. 4. (2004) М.: Статистика.
- Лурье С.В. (2018) Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 108–121.
- Лурье С.В. (2019) Национальный сценарий в современной России через зеркало частной жизни россиян (Динамика и особенности межэтнической брачности в постсоветский период) // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 127–140.
- Население России 2003–2004 (2006) Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека.
- Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (1990) М.: Финансы и статистика.
- Сороко Е.Л. (2014) Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // *Демографическое обозрение*. Том 1. № 4. С. 96–123.
- Состояние в браке и рождаемость в России по данным микропереписи населения 1994 г. (1995) М.: Госкомиздат.

REFERENCES

- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g. V 14 t., t. 4 (2004) [The results of the 2002 All-Russian Population Census: In 14 vols. V. 4]. Moscow: Statistika.
- Lourie S.V. (2018) Mezhnatsional'nye braki kak chast' sovetskogo gosudarstvennogo scenariya: sociokulturniy podhod [Inter-ethnic marriages as the Soviet state script part: a sociocultural approach]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 108–121.
- Lourie S.V. (2019) Nacionalniy scenariy v sovremennoy Rossii cherez zerkalo chastnoy zhizni rossiyan (Dinamika i osobennosti mezhetnicheskoy brachnosti v postsovetskiy period) [The National Script in Contemporary Russia through the Mirror of the Private Life of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 127–140.
- Naselenie Rossii 2003–2004 (2006) *Odinnadcatiy-dvenadcatiy ezhegodny demograficheskiy doklad* [Population of Russia 2003–2004. The 11th-12th annual demographic report]. Moscow: Institute of Economic Planning RAS.
- Naselenie SSSR po dannym vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g. (1990) [The USSR population according to the all-Union census of 1989]. Moscow: Finansy i statistika.
- Soroko E.L. (2014) Ehtnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossiyskoy Federacii [Ethnically mixed married couples in the Russian Federation]. *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 4, pp. 96–123.
- Sostoyanie v brake i rozhdaemost' v Rossii po dannym mikroperepisi naseleniya 1994g. (1995) [Marital status and birth rate in Russia according to the 1994 micro-census data]. Moscow: Goskomizdat.